

внутренняя политическая жизнь англичанъ, что у нихъ не укоренилась идея права, что англійское правительство плохо сознаетъ свои обязанности въ отношеніи подданныхъ и не относится съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ правамъ и законнымъ интересамъ? Международная роль Россіи имѣла часто руководящее значеніе въ Европѣ; она постоянно усиливалась съ конца прошлаго столѣтія, проявляясь въ самыхъ великодушныхъ и безкорыстныхъ формахъ,—то въ видѣ далекихъ походовъ на защиту Австріи или Пруссіи, то въ видѣ спасенія Европы отъ Наполеона. Скажетъ ли г. Мартенсъ, что эта дѣятельная, энергическая, самоотверженная роль русской политики вытекала изъ высокаго развитія внутренней жизни Россіи въ эпоху крѣпостного права? Русская дипломатія издавна славится своею гуманностью, уступчивостью и великодушіемъ; она руководится принципами, болѣе возвышенными, чѣмъ тѣ, которыми проникнута политика Англіи,—а по теоріи г. Мартенса, „международныя отношенія всегда представляютъ зеркало, точно отражающее внутреннее состояніе государственныхъ обществъ, равно и принциповъ, которые лежатъ въ основаніи соціального и политическаго ихъ строя“. Выходитъ, что общественный бытъ крѣпостной Россіи былъ выше и богаче политическаго строя Англіи,—если считать вѣрнымъ „зеркало“ г. Мартенса. Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду не реальную историческую дѣйствительность, а такой порядокъ вещей, при которомъ настоящіе интересы, потребности и средства страны служили бы единственнымъ мѣриломъ вѣншей политики государства. Въ исторіи бываетъ наоборотъ: при самомъ скудномъ и несостоятельномъ порядкѣ внутри, можетъ существовать самая щедрая и блестящая дѣятельность извъ, предназначенная именно къ тому, чтобы внутреннюю бѣдность прикрыть заманчивымъ ореоломъ славы.

Авторъ, вслѣдъ за нѣмецкими теоретиками, приписываетъ государству идеальную цѣль—„всестороннее развитіе силъ и способностей подданныхъ“ (т. II, стр. 2 и др.), а основаніе международной дѣятельности онъ видитъ только въ „недостаточности силъ и средствъ отдѣльнаго народа въ достиженіи своей жизненной цѣли“. Не трудно замѣтить, что этою „недостаточностью“ далеко не объясняется большинство политическихъ дѣлъ и плановъ государственныхъ людей въ области международной предпримчивости. Взглядъ автора на государство грѣшитъ чрезмѣрною отвлеченностью, которая отражается и въ общихъ разсужденіяхъ его о международномъ правѣ. Иногда эта отвлеченность доходитъ до туманности. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію г. Мартенса, „тамъ, гдѣ общество неограниченно господствуетъ надъ государствомъ, тамъ гдѣ государство поглощается обществомъ и верховная власть есть слѣпое орудіе въ рукахъ какого-